

Аверинцев С. Миссионер для племени интеллигентов

По правде говоря, я сомневаюсь в своем праве говорить о незабвенном о. Александре Мене. Люди, лучше его знавшие, принадлежавшие к его пастве, могут сказать о нем куда больше, живее, конкретнее. Встречи с ним всегда бывали для меня радостью, но их за всю жизнь наберется немного. И все же надеюсь, что самое главное можно было увидеть и на расстоянии. У меня одно преимущество; я немолодой человек и живо помню время, когда он начинал.

"Вот, вышел сеятель сеять..."

Чтобы трезво и точно, не впадая в гиперболы, но и ничего не умаляя, оценить масштаб и характер его жизненного дела, чтобы не исказить пропорций и не сместить акцентов, необходимо держать в памяти, в какой час вышел на труд свой этот Сеятель. "Рано, до звезды", - как сказано у Пушкина.

Кто не жил в те годы, лишь с большим усилием может вообразить или хотя бы воссоздать умом атмосферу рубежа пятидесятых и шестидесятых. Ведь семидесятые, каковы бы они ни были, - совершенно иной сюжет: тут уже сложился самиздат, и хотя бы в столицах каждый желающий уважать себя интеллигент если не шел в неофиты, так по крайности симпатизировал таковым и старался поддерживать разговоры на религиозно-философские темы; если верующих сажали в психушки, это служило к вящему позору сажавших, не к дискредитации веры. А раньше, при Хрущеве, все было иначе, и верующий впрямь выглядел в глазах соотечественников безумцем. Смертельная, нечеловеческая усталость после едва-едва отошедших в прошлое сталинских десятилетий - и одновременно бодрое обретение второго дыхания все той же идеологией, "возвращение к ленинским нормам": борода Фиделя Кастро, бригадинно-целинная комсомольская романтика - и заново расвирепевший, набравший новую прыть атеизм.

О, конечно, не все ценности были утрачены. Среди нас ходили люди, каких уже нет нынче. Доживали свой земной век соблюдшие верность среди всеобщего отступничества, "претерпевшие до конца", не отклонившие от себя, как сказано у Ахматовой, ни единого удара. Но они именно доживали свой век - как, собственно, и было рассчитано: вот доживут, вот вымрут, и ни веры, ни верности не останется. Старики и старушки, ходячие анахронизмы. Да, вокруг таких собирались и молодые, но еще в страшно малом числе, каждая душа наперечет. Да, на огромной глубине народной души всколыхнулась память о вере еще в годы войны; однако то была смутная глубина, душевные недра чуть ли не за порогом слова и сознания. Да, были светильники, не угасавшие и под спудом, но под спудом они оставались. Был подвиг, подвиг молитвенный, подвиг страдания. Были прекрасные духовные руководители для очень сплоченного, но и неизбежно замкнутого, все более немногочисленного круга верных. Но миссионерство, но проповедь, расширяющая круг своего воздействия, обращающаяся к обществу, каково оно есть, к выпускникам советских школ и вузов, - помилуйте, о чем вы говорите?.. Вы что, не понимаете, что этого не может быть, просто потому, что этого быть не может?..

Все вокруг согласилось, что невозможное невозможно. Это было так ясно. Этому выучил страшный опыт.

И вот один человек отказался принять невозможность невозможного.

Перед ним были советские люди - какие есть. Специально интеллигенция, образованщина, как ни назови: не в словах дело. На каком острове, на каких неведомых широтах и

долготах какой миссионер находил племя, столь неподготовленное к восприятию христианского благовестия? И все же это были люди - по вере христианской носители образа Божия, хотя бы тысячекратно искаженного, за которых, согласно тому же вероучению, Господь пролил Свою кровь на кресте; люди, каждый из которых сотворен для вечности. Интеллигент не лучше никого другого, может быть, хуже; но он не меньше никого другого нуждается в спасении. И это особое племя - со своими особенностями, своими предрассудками, своим языком. Можно поморщиться: "образованщина". Миссионеру, однако, этого права не дано; он должен любить племя, среди которого трудится, жить его жизнью, говорить с ним на его наречии, считаться с его особенностями - шаг за шагом, с азов, одолевая его страшную отчужденность от христианской традиции.

Есть эпиграмма поэта-символиста Вяч. Иванова, описывающая характерное искушение эвакуировать церковь из истории:

Дабы подальше от людей
Она была еще святей.

Вот для этого искушения о. Александр был абсолютно неуязвим. Одно он чувствовал всем своим существом: что церковь предназначена своим Основателем для спасения людей, реальных людей. Людей каждого времени, 'каждого поколения. И дело было сделано (в самой широкой перспективе не им одним, но на огромном и очень трудном участке работы - так и одним): расточился обман, внушавший, будто Христос остался позади нас - в прошлом, может быть, враждебном, может быть, милым, но во всяком случае, чуждом, наивном, невозвратном, уходящем все дальше и дальше. О нет, Он с нами - в настоящем. И Он ждет нас - впереди, в будущем.

Хочется вспомнить еще стихи, на сей раз В. Соловьева:

Да, с нами Бог - не там, в шатре лазурном,

Не за пределами бесчисленных миров,

Не в злом огне и не в дыханье бурном,

И не в уснувшей памяти веков.

Он ЗДЕСЬ, ТЕПЕРЬ, средь суеты случайной,

В потоке мутном жизненных тревог

Владеешь ты всерадостною тайной:

Бессильно зло; мы вечны; с нами Бог!

О. Александр знал это - и передавал другим. Нет, "не в уснувшей памяти веков"! Да, "здесь, теперь"! Всерадостная тайна была с ним - кажется, больше всего к концу, когда невыговоренное предчувствие конца становилось все отчетливее, и врожденная, природная полнота жизни уступала место иной, более неотмирной бодрости. Такой мне запомнилась наша последняя встреча - летом прошлого года, на одной богословской конференции.

Задумаемся еще раз: когда он начинал, он был один. Потом его окружили люди, все больше и больше людей, и он отдавал им все свои, силы, до предела и без предела; еще французским писателем Бернаносом сказано, что каждый настоящий священник - "человек съеденный"; съдаемый своими прихожанами. Но в последний час, в час пролития его крови на нашу землю, впитавшую кровь стольких священников, он снова был один, как вначале.

Здесь масштаб его жизни. Споры о мнениях, как сказано у апостола Павла, в сравнении с этим малы. Не тот разговор. Воздавая должное его книгам, решимся сказать: то, в каких условиях все это было написано, больше самих книг. Придут другие люди, напишут другие книги; дай им Бог. Но за о. Александром останется несравненная заслуга: с самого начала не поддаться гипнозу ломавшей и сильных "исторической необходимости". Без героической позы, не отказываясь быть осторожным, но запретив себе даже тень капитулянтства, ни на миг не покладая рук, он сделал невозможное возможным. Он проторил дорогу. Теперь по ней пойдут другие, и на уровне "споров о мнениях" они не всегда будут с ним единомысленны. Но пусть и они не забывают того, кто вышел сеять, не дожидаясь рассвета, неторной, заросшей тропой.